

Источники и литература

1. ГААРК. – Ф. Р- 3295. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 8.
2. Там же. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 8–9.
3. Там же. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 7.
4. Там же. – Оп. 1. – Д. 21. – Л. 27.
5. Там же. – Л. 223–225.
6. Там же. – Д. 23. – Л. 30–32.
7. Там же. – Л. 2.
8. Там же.
9. Там же. – Л. 3.
10. Там же. – Л. 6.
11. Там же. – Оп. 3. – Д. 25. – Л. 44.
12. Там же. – Д. 38. – Л. 14.

Новикова Е. В.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ УЧИТЕЛЯ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ (Из истории народного образования в Крыму)

Современная концепция образования, построенная на принципах гуманизации отношений учителя и ученика, отводит особую роль преподавателю как субъекту творческого развития ребенка. В связи с этим возникает вполне обоснованный интерес к различным аспектам деятельности педагогов в системе дореволюционного образования, к тому влиянию, которое они оказывали на становление личности ученика. В настоящее время сравнительно хорошо изучены биографии и деятельность таких просветителей и педагогов Крыма, как И. И. Казас, Ф. Ф. Лашков, А. И. Маркевич, Е. Л. Марков. Их жизни и творчеству посвящены работы Д. И. Абибуллаевой, Л. А. Маршалл, А. А. Непомнящего, А. Д. Попова, С. Б. Филимонова, В. Ф. Шарапы, Т. В. Шубиной. Однако внимания заслуживают и многие другие подвижники образования – личности яркие, одаренные, внесшие выдающийся вклад в решение многих вопросов, связанных с обучением и воспитанием подрастающего поколения в дореволюционном Крыму. Предлагаемая вниманию читателей статья является первой попыткой исследования роли учителей в деле народного образования в дореволюционном Крыму.

Изучение системы дореволюционного образования в Крыму представляет большой научный и практический интерес, так как, по наблюдениям современных исследователей, в Таврической губернии процент грамотного населения он был выше, чем в других регионах страны, и «по степени распространения грамотности Таврическая губерния занимает третье место в России после Московской и Петербургской» [1].

Статья основана на материалах Государственного архива Автономной Республики Крым. Источниковой базой послужили дела из фондов органов просвещения и учебных заведений Крыма. Были изучены фонды Симферопольской мужской гимназии, Дирекции народных училищ Таврической губернии, Таврического губернского совета. Особое значение для раскрытия темы имеют протоколы заседаний педсоветов учебных заведений Крыма за XIX – н. XX вв., ведомости об училищных чиновниках, методические указания народным учителям о ведении преподавания, циркуляры и указания высших инстанций, годовые отчеты учебных заведений за период XIX – нач. XX вв. и др.

Наиболее значимым источником сведений об учителях стали формулярные списки училищных чиновников. Они позволяют определить, кроме фамилии, имени, отчества, возраста, социальное и семейное положение, вероисповедание, занимаемую должность, место и время получения воспитания и образования, особые деяния и отличия по службе, наличие имения у самого учителя или его ближайших родственников. В отдельных графах указывалось, был ли училищный чиновник под следствием, судом, принимал ли участие в походах против неприятеля и в сражениях, способен ли к продолжению статской службы и достоин ли повышения чином, если нет, то по какой причине.

Все эти документы позволили представить роль учителей Крыма в системе образования и воспитания учащихся.

Одним из важнейших условий профессионального становления учителя являлось полученное им образование. Большинство преподавателей имели фундаментальные знания, о чем свидетельствуют данные из формулярных списков училищных чиновников, служивших по ведомству Министерства Просвещения в разные годы. Представим некоторых из них.

Ф. П. Заставский (из духовного звания) – директор симферопольской мужской гимназии с момента ее основания и директор училищ Таврической губернии – закончил Киевскую академию и Санкт – Петербургскую учительскую семинарию. В гимназии преподавал математику, физику, немецкий язык. За отлично исполняемую службу получил орден Св. Анны 3 –й степени.

Преподаватель В. К. Парпура, окончив Киевскую академию, много путешествовал по России, преподавал историю и географию. И. Г. Лебединский – учитель латинского языка – прошел курс наук в Казанской академии, закончил обучение в Курской семинарии, а затем в Санкт – Петербургском институте. Обучал «с отличным искусством и прилежанием», «награждения чином достоин»[2].

Учитель философии и изящных наук А. И. Ковалевский получил образование в Харьковском коллегии, а затем в Харьковском университете. В формулярном списке о нем написано, что он «преполагает с таким искусством, усердием и ревностью...и за благородное поведение по всей справедливости заслуживает награждения чином»[3].

Преподаватель рисования П. И. Иванов учился в Санкт – Петербургской Императорской Академии

художеств на отделении скульптуры, получил патент свободного художника. За свой труд представлен к награждению чином в 1815 году. Учитель немецкого языка феодосийского уездного училища Фридрих Виск окончил курс педагогических наук и 10 лет преподавал в Страстбургском университете. Преподаватель этого же училища С. Д. Вардинский имел похвальный аттестат. Г. И. Хоропский окончил Харьковский университет и стал учителем в симферопольском уездном училище.

Во второй половине XIX века учитель высших частей математики и физики А. Годлевский (из духовного звания) закончил в Виленском университете отделение физико-математических наук. За особые труды по решению геометрических проблем получил благодарность попечителя Одесского учебного округа. В 1842 г. стал титулярным советником, в 1845 г. – коллежским асессором со старшинством.

Директор училищ Таврической губернии А. В. Самойлов (сын придворного актера) во время своего обучения «был награжден за успехи в науках малыми золотой и серебряной медалями» [4]. В 1830г. А. В. Самойлов был назначен смотрителем ученой партии, отправленной в Югорский округ для геологического описания. В 1831г. он прибыл в Петербург для служения в Департаменте горных и соляных дел, стал лаборантом в горном кадетском корпусе Соединенной лаборатории Департамента горных и соляных дел, принимал участие в бурении артезианских колодцев под руководством французского инженера Флама. А. В. Самойлов «за примерное усердие и труды, понесенные им при бурении в Крыму артезианских колодцев, Всемилостивейше пожалован кавалером ордена св. Станислава 3 – й степени» [5]. С 1840 утверждён Директором училищ в Таврической губернии, досрочно получил чин коллежского советника, а также награду в 150 руб. серебром. За 20 лет беспорочной службы имел много грамот и знаков отличия. «За отлично-усердную службу и особые труды... пожалован кавалером ордена св. Анны 3 -ей степени» [6].

С. А. Тиграниан (армянин из г. Нахичевани) обучался в Московском университете, стал учителем русского и латинского языков, преподавал армянскую словесность в Крыму. За свой труд он получил орден св. Анны 3 – ей степени и титул надворного советника.

Надворный советник И. Т. Тихомиров (сын священника) по окончании полного курса наук в Императорском университете св. Владимира был назначен на должность старшего учителя русской словесности. В 40 – 50 г. XIX века он трижды получал благодарность за свою службу.

Среди преподавателей симферопольской гимназии был известный караимский деятель, поэт и просветитель И. И. Казас. После обучения в Евпатории поступил в 1853 году на исторический факультет Московского университета, где слушал лекции известного историка Т. Грановского [7, 7]. С 1863 года Илья Ильич 18 лет проработал в Симферопольской мужской гимназии. В 1872 году был отправлен за границу в командировку для изучения постановки учебного дела. И. И. Казас владел 11 языками, в том числе и 4 древними [8, 21]. Его единогласно избрали депутатом на педагогический съезд, проходивший в Крыму в 1881 – 1882 учебном году [9].

За период своего обучения в высших учебных заведениях будущие преподаватели изучали: эллино – греческий, латинский, французский, немецкий языки, логику, нравственную философию, российскую грамматику, разделы математики, всеобщую и российскую историю и географию, физику, философию, поэзию, риторiku, психологию и др. Учителя народных школ оканчивали гимназии и учительскую семинарию. Некоторые дела фонда Дирекции народных училищ Таврической губернии содержат аттестаты об образовании принятых на службу учителей, где отмечаются хорошие, «изрядные успехи». В годовой отчетности о народных школах по Евпаторийскому уезду данные об учителях свидетельствуют, что все они «удовлетворяют своему назначению, преданы своему делу», «окончили курс в разных учебных заведениях, при отличных успехах и поведении» [10].

Кроме училищных чиновников, на nive просвещения трудились и те, кто получил звание домашних учителей. Их было немного, но экзамены на профессиональную пригодность они сдавали по всей строгости. В 30 – е годы XIX века они готовили 10 тем по арифметике, 14 из геометрии, 37 вопросов из всеобщей истории и 21 из российской, 121 из всеобщей и 11 из российской географии, 35 вопросов по русскому языку. Экзамен сдавался в течение нескольких дней. Будущие учителя давали ответы на 5 вопросов устно и 2 письменно по жребию, писали рассуждение на заданную тему, затем проводили пробные уроки или лекции. Комиссии, состоящей из ведущих педагогов гимназий, рекомендовалось «обратить особое внимание на простоту, ясность и легкость, с какими испытываемый может преподавать предмет оный своим слушателям» [11]. Если человека на экзамене уличали в обмане, то навсегда лишали права быть учителем.

Таким образом, проанализировав архивные документы, можно сделать вывод: преподаватели учебных заведений Крыма являлись глубоко образованными людьми своего времени.

В речи одного из преподавателей, составленной в связи с открытием Евпаторийского уездного училища, было отмечено, что целью педагогической деятельности учителей в дореволюционный период является «обогащение Отечества просвещенными и благонравными гражданами» [12]. Обучению и развитию детей посвящена основная часть заседаний педагогических советов учебных заведений в разное время. В центре рассмотрения были вопросы успеваемости и поведения учащихся. На протяжении многих лет наблюдались успехи и неудачи учеников. Среди кратких характеристик сохранились отзывы о способностях детей (понятен, туп, имеет способности, ленив, успевает, даровит), прилежании (прилежен, радив, посредственно учится, совсем не учится), поведении (благонравен, исправляется, благороден, честен, худого поведения, тих, скромнен). Более 70 – 80% отзывов преподавателей об учениках носили положительный характер. Лучших учащихся упоминали поименно в отчете Дирекции народных училищ. На педсоветах отмечали наиболее интересные работы. Например, учитель Симферопольской мужской гимназии Г. Хвостов в своем выступлении на педсовете «заявил, что из числа представленных ему в текущем академическом году учениками VII класса годовых сочинений по предмету истории, многие

оказались весьма удовлетворительными, а некоторые выходят из разряда ученических упражнений, обращают на себя внимание как отчетливым изучением и искусной обработкой источников, так и самим способом изложения» [13].

Архивные материалы свидетельствуют, что лучших учеников постоянно поощряли. Например, в 1815 году учащиеся наградили следующими книгами: «Землеписание Российского государства», «Книга о должности человека и гражданина», «Российская грамматика». Награждали и «прилежание и благонравие», «за успехи», «для поощрения в дальнейшем», «для поощрения впредь к прилежанию» [14]. В Симферопольской гимназии ежемесячно практиковалась запись успешных учеников на золотую доску.

Особое внимание уделялось итоговым испытаниям, на которых часто присутствовали градоначальники, почетные чиновники. Для экзаменов заранее готовилась торжественная речь от имени учителей, где подчеркивалась важность публичного мнения, которое «всегда носит на себе верный отпечаток степени народного образования и духа времени...» [15]. В протоколах педагогических советов встречаются записи о том, что дети отвечали на испытаниях «сверх ожидания удовлетворительно» [16]. По окончании экзаменов гости раздавали детям похвальные листы, золотые и серебряные медали. Кстати, в 70 – х годах XIX в. известный педагог К. Д. Ушинский в бытность свою в Симферополе, посетил «приготовительный класс наглядного обучения при женском училище и всех учениц старшего отделения сам экзаменовал по Родному слову в чтении, письме, рассказах по картинкам и арифметике по системе Трубе» [17].

Часто учебные заведения посещали чиновники, ответственные за образование, гости. Целью этих визитов был контроль и ознакомление с деятельностью школ. Например, в 30 – х г. XIX века училища Симферопольского уезда посетили генерал – губернатор М. С. Воронцов, граф Витте, кн. Мещерский. Они «спрашивали учеников по разным предметам преподаваемых наук и ответами оставались всегда довольны» [18]. Попечитель Керченского уезда «отдал лично всем чиновникам и преподавателям благодарность за хороший порядок и успехи учеников» [19]. Ф. Ф. Бурдунов, смотритель Керченского уездного училища, «за устройство и порядок ... и успехи учеников получил формальную благодарность от Новороссийского военного губернатора...при посещении им училища» [20]. В 1903 г. инспектор Скворцов посетил 16 училищ Таврической губернии. Главное внимание он обращал «на правильность педагогических приемов учащихся, отчего в значительной мере зависит и сама успешность обучения, а затем так же на классную дисциплину и весь строй училищной жизни. ... Каких – либо крупных и выдающихся недостатков замечено не было ... Учащие со своей стороны стараются предохранить детей от дурных наклонностей и развивать в них добрые навыки» [21]. В том же году Великий князь Александр Михайлович «посетил Севастопольское имени генерала Менькова училище, присутствовал на уроках, остался доволен постановкой учебного дела и выразил желание, чтобы ученикам выдавались горячие завтраки». Севастопольский градоначальник Хвостов посетил Каранское земское училище, Управляющий Министерством народного просвещения Г. Э. Зенгер посетил Аутское училище [22].

Важным вопросом, которому систематически уделялось большое внимание, было качество преподавания предметов. В методических указаниях Таврического губернского училищного совета предлагалось вести с учениками «живую и простую беседу», а «не механическое заучивание». Каждый учитель «должен предварительно сам рассказывать урок ученикам, а не в коем случае не задавать им урока по книгам без предварительного объяснения» [23]. Детей надо было научить понимать, рассуждать.

От учителей требовалось «...не ходить в класс без приготовления себя к уроку», «преподавать не монотонно, не чтением, склонившись над книгой», а «разнообразить преподавание новыми приемами». Предметы не должны были быть «и скучными, и неприятными». «Образование такого качества ума, как внимание, трудная задача...но крепкая обязанность учителя» [24]. На педсоветах постоянно заслушивались сообщения о методике преподавания, выполнении учебных программ строго учитывалось.

Серьезное внимание преподаватели Крыма уделяли повышению своего профессионального уровня. В архивных материалах сохранились данные о том, что если учитель долго не преподавал свой предмет, то проходил испытания в виде письменных ответов на вопросы в присутствии своих коллег, его ответы пересылались для проверки в вышестоящие инстанции. Иногда были и отказы. Так, в письме одному из учителей, желавших занять должность при Евпаторийском училище, директор всех училищ Таврической губернии Ф. П. Заставский объяснял причину: «Вы не привели ни свидетельства о знании наук, кои желаете преподавать, ни планы, по которым Вы обучать намерены» [25].

В 60 – 70 годы XIX века педагоги Крыма посещали съезды учителей, которые проходили в Симферополе. Впоследствии они обращались к начальству с пожеланиями о продолжении такой традиции обмена педагогическим опытом: «Издержки на проезд незначительные, а польза будет несомненная» [26]. В одной из статей журнала «Русская мысль» за 1898 год, посвященной положению учителей Таврической губернии, подчеркивалось, что «курсы и учительские съезды... оказывают благотворное влияние, ибо возбуждают в учащихся энергию, усиливают любовь к их труду и обновляют знания методов преподавания» [27, 209].

В 1903 году в городе Феодосии был устроен съезд учителей Феодосийско – Ялтинского района под руководством инспектора народных училищ А. Школьников. На нем присутствовало 64 учителя, которые с большим интересом отнеслись к обсуждению 37 вопросов. «Виден был особый подъем духа, особый интерес к педагогическим и школьным вопросам. Благотворное влияние совместного обсуждения многих вопросов во многих случаях имело значение и в последующей педагогической деятельности учащихся; для неопытных многое разъяснилось, опытные учителя и несколько уставшие почерпнули новую энергию ... от обмена мнений на съезде».

Каждому учителю оплатили по 10–35 рублей за командировку, но были и те, кто приехал на свои деньги [28]. Учителя, обмениваясь педагогическим опытом, «запаслись энергией и душевной добротой к новому педагогическому труду». Отмечалось оживленное обсуждение всех вопросов, достоинство и такт, с которыми вели себя преподаватели. А в 1903 году на курсы повышения квалификации было выделено

3000 рублей [29].

Хорошо известно выдающееся значение в повышении профессионального мастерства специальной литературы. Далеко не во всех учебных заведениях Крыма были библиотеки для учителей. Даже в 1903 году в Симферопольском уезде в половине училищ библиотеки отсутствовали, а другая половина была «крайне бедна книгами». Преподаватели не имели возможности следить за развитием учебно-педагогического дела и, по мнению уездного училищного совета, «часто теряли живой интерес к своей работе». Было принято решение, что книги будут рассылаться для учителей, и они будут иметь «возможность удовлетворять свою любознательность» [30]. В целом по материалам архива прослеживается, что вышестоящие инстанции прилагали усилия для обеспечения учебных заведений необходимой литературой и пособиями.

Учителей Крыма также интересовал вопрос усовершенствования программ. При анализе причин плохой успеваемости какого – либо класса обращали внимание не только на методику преподавания. «Главная причина этой неуспешности заключается в многопредметности и обширности программ гимназического курса» [31], – записано в протоколе Симферопольской мужской гимназии. По мнению педагогов, невозможно все помнить без предварительного повторения на уроке, требования же учителей должны носить разумный характер. По просьбе Попечителя Одесского учебного округа преподаватели доводили до его сведения свою точку зрения на изменения в программах обучения. Они считали, что к этому надо «приступать с осторожностью и что все изменения должны оправдываться действительной и достаточно мотивированной необходимостью». Для народных училищ программы должны служить интересам учащихся из «большинства менее состоятельного городского населения, призванного преимущественно к деятельности ремесленной и торговой» [32]. Педагоги Севастопольского народного училища предложили ее «сократить, т. к. по своему объему она не выполнима» [33]. Они высказались за то, чтобы сгруппировать в руках одного учителя преподавание схожих предметов, поскольку это облегчит труд учителя и улучшит качество преподавания. В Феодосийском уезде учителя считали, что у учеников будут успехи лучше, если обучение будет сопровождаться развитием разнообразных навыков, и что «полезно было бы учредить при училище обучение ремеслам, полеводству, садоводству и т. д.» [34].

На педсоветах преподаватели анализировали склонности учащихся к каким-либо наукам. Такие ученики выбирались в качестве консультантов для своих товарищей. А в старших классах Симферопольской мужской гимназии ученикам, «известных совету своей бедностью, дарованиями и прилежанием» [35] разрешали преподавать ограниченное количество предметов в частных домах. Заработанные деньги они вносили в качестве оплаты за свое обучение в гимназии.

Воспитательная деятельность педагогов Крыма заслуживает особого внимания и изучения. Цели и принципы школьного воспитания были отражены не только в циркулярах Министерства Просвещения, но и в документации педагогических советов. Один из интереснейших исторических источников того времени - дело об училищной дисциплине за 1868 год. В нем определены задачи воспитания ученика: «Развить его способности... пробудить его к сильной и постоянной деятельности, - относительно его личного усовершенствования, помочь образовываться привычкам, которые сделают его драгоценным членом общества, и поощрять его употреблять свою энергию в пользу общественного прогресса и национального благополучия». В документе пишется, что «в детстве человек есть храм в развалинах, помощою воспитателя он должен быть восстановлен в своей первоначальной красоте» [36].

Каждому ученику выставлялась оценка по поведению, давались рекомендации: «...от имени совета предупреждение вести себя скромнее». Снижение оценки обязательно мотивировалось: «за шалости», «за беспокойное поведение на уроке» [37]. В то же самое время удаление с урока из-за поведения признавалось «неуместной мерой» [38].

Учителя требовали от учащихся «соблюдать общие правила нравственности в отношении себя и своих товарищей» [39]. После целого ряда совещаний в Симферопольской мужской гимназии были определены категории нарушений: «а) проступки против требований дисциплины; б) проступки против правил нравственности, и что первые из них, в большей части случаев, могут быть предусмотрены, и поэтому взыскания за них... могут быть заранее определены; проступки второго рода, для определения для них взыскания, каждый раз должны подлежать особому тщательному разбору» [40]. В результате был составлен специальный табель взысканий и учреждена комиссия, которая сначала рассматривала обстоятельства проступка ученика, а затем решала, приглашать ли ученика для беседы на заседание или в этом нет необходимости, т. к. в его поведении нет ничего предвзвешенного.

За систематические прогулы уроков, лень, грубость, драки с товарищами могли отправить в карцер на 1 – 2 дня, но это касалось только учеников старших классов. По мнению учителей, учащихся нельзя наказывать больше, чем дети в состоянии вынести.

И все же наказание детей за проступки было не самоцелью, важнее было «внедрять начала доброй нравственности» [41]. Имели место примеры, когда учителя вставали на сторону ребенка, даже если он нарушал правила. Ученик гимназии Ивановский ударил по лицу одного из жителей Симферополя, известного своей скандальной репутацией, за оскорбление религиозных чувств и семьи. Педагоги и директор Е. Л. Марков не позволили его отчислить, т.к. «дальнейшее воспитание одно только может развить в нем необходимую сдержанность духа и поступков» [42]. От учителей требовалось «учить детей... терпению и уважению к чувствам и правам других» [43].

В отчетах народных школ часто указывалось на то, что к дисциплинарным наказаниям «не было необходимости прибегать, так как дети весьма охотно и исправно посещают училище и как видно, любят и уважают своих учителей». [44]. В учебных заведениях Феодосии в 1903 году отсутствовало «исключение учащихся за дурное поведение» [45].

В отношениях с учениками преподавателям предлагалось придерживаться таких правил: «Учитель

никогда не должен шуметь, обходиться грубо и браниться. Дети всегда свободно уступают силе спокойствия, тогда как ураган слов остается для них без внимания. Спокойный тон речи всегда сильнее и действеннее, чем грозный и бурный» [46].

Однако следует отметить, что в работе с архивными материалами встречались сведения и другого плана. Так, классный наставник III-го параллельного класса Урбан отмечал в своем выступлении на педсовете: «...ученики апатичны и вялы; мы видим, что там царит ...бессмысленный взор в оловянных глазах, вследствие того, что дети распушены». Все учителя встали на защиту класса, т. к. только три ученика вели себя плохо, а остальные старались [47]. В отчете училищного совета упоминается об одном из учителей, который «прежнего рвения к должности не являет, отчего ученики ...и успехов не много оказали», и о другом, который «должность исправляет без упущения, только иногда с учениками обходиться строптиво, употребляя непозволительные наказания» [48]. Но данные такого рода столь редко встречаются, что скорее можно говорить об исключении, чем о правиле. Учителя, принимая присягу при вступлении в должность на «верное и нелицемерное» служение, «...для корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности и присяги» [49] не поступали. Вероятно, этим и объясняется то, что сами «дети весьма охотно и исправно посещают училища, что при ласковом к ним отношении гг. учителей естественно. Бывали и такие факты, что в глубокую грязь или сильные морозы родители приносили детей своих в школу на руках» [50].

По мнению учителей, «школы есть сами по себе малый мир» [51]. Именно поэтому преподаватели интересовались не только обучением и воспитанием, но и повседневной жизнью учащихся. Они следили за условиями жизни на квартирах, состоянием здоровья, внешним видом учеников.

Возможности оплаты за обучение придавалось большое значение. В документах очень часто встречаются просьбы учителей об освобождении бедных, но способных учеников от платы за образование, т. к. «родители ... действительно по бедности своей не могут уплачивать следуемых денег» [52]. Сами учителя читали публичные лекции по физиологии, физике, истории и др., а деньги за них передавались в счет уплаты за несостоятельных учащихся. На эти средства покупались книги и пособия для таких детей, одежда.

«Ошибочно было бы думать, что одно преподавание исключительно составляет полезную часть школьной жизни, и, что время, посвященное отдыху, есть неизбежное зло, которое по возможности следует ограничить», - так записано в деле об училищной дисциплине [53]. В свободное от учебы время с целью развития детей учителя выводили учащихся на прогулки и экскурсии. В отчетах о состоянии народных школ упоминается, что педагоги «в хорошую погоду устраивают для детей игры и стараются приобрести доверие детей и влияют на них нравственно» [54]. Для учеников устраивали чтения вслух произведений известных писателей, проводили литературно – вокальные вечера, рождественские елки, праздники древонасаждения. Хорошо известно о трех экскурсиях учеников и преподавателей Симферопольской гимназии в Севастополь, Бахчисарай и Симферополь. Экскурсии были значимы для развития педагогической мысли и краеведения. Отчеты о них являются уникальным источником знаний по истории и культуре Причерноморья [55, с. 300]. В самой гимназии трудами известного краеведа Ф. Ф. Лашкова, учителя истории и географии был создан историко – географический музей. Его энергия, компетентность, научная и творческая деятельность повлияла на выбор будущей профессии выпускника гимназии, крупнейшего русского историка - источниковеда А. С. Лаппо – Данилевского [56].

«Во всех потребных случаях воспитатели не только дают детям наставления, как следует вести себя, но и добрый пример жизни и нравственности христианской» [57]. Одной из обязанностей педагогов было привитие православного мировоззрения учащимся. Они следили за соблюдением церковных праздников, за посещением учащимися богослужений. Но документы свидетельствуют о том, что воспитанников других вероисповеданий в случае необходимости даже отпускали с занятий на религиозные праздники.

Необходимо отметить, что помимо своих профессиональных обязанностей, учителя нередко выполняли и несвойственные им функции. Преподаватели в учебных заведениях занимались письмоводством, хозяйственными делами, наблюдали за ремонтом школ и т.д. Во время эпидемий и Крымской войны они стойко переносили испытания. В начале XIX века педагоги Феодосийского уездного училища под руководством учителя Егора Антоновича Мануйлова находились при чумном лазарете, проявляя твердость духа, «жертвуя собой для спасения человечества заслужили всеобщую похвалу» [58], смотритель того же училища Селим Эфенди «за отличное исполнение ...должности во время действия болезни холера – ноябрь 1830 – январь 1832, получил признание» [59]. Смотритель Керченского уездного училища Ф. Ф. Бурдунов за участие в ликвидации холеры в 30 – е гг. XIX века также получил благодарность.

В трудное время Крымской компании, когда все «удалились, кто куда мог», учителя вывозили детей в безопасные районы. В Крыму осталось всего 18 преподавателей. Они «приняли на себя добровольную обязанность ухаживать и помогать раненым, помещенным в здании Пансиона при Симферопольской гимназии», собрали 275 рублей для них [60]. Деятельность педагогов в трудное время являла собой пример гуманного отношения к страждущим, пример любви к Родине. Их поступки не расходились с тем, чему они всегда учили своих воспитанников: «Любить добро для добра без мысли за вознаграждения за хорошие дела в будущем...» [61].

Деятельность учителей, их преданное служение своей профессии во много предопределили выбор жизненного пути воспитанников. Стал учителем истории после окончания Симферопольской гимназии смотритель Севастопольского училища Х. И. Лемаренко. Выпускники той же гимназии Е. П. Шевелев и Е. И. Демареспих преподавали в Керченском училище, участвовали в ликвидации эпидемии. Титулярный советник П. Г. Делаграматин вернулся работать в Евпаторийское училище, в котором обучался ранее. И таких примеров преемственности много.

Из стен дореволюционных школ Крыма вышло немало талантливых, одаренных людей, которые реализовали себя в жизни и как личности, и как профессионалы своего дела. Широко известны: Н. Н.

Аренд – один из основоположников теории воздухоплавания, И. К. Айвазовский – живописец – маринист, Г. О. Графтио – ученый и инженер, участник составления плана ГОЭЛРО, А. А. Зайончковский – тюрколог, литературовед, караимский деятель, Д. Н. Овсяннико-Куликовский – литературовед и языковед, почетный член Петербургской и Российской АН и многие другие. Заслуга педагогов состоит в том, что они не только заложили основу фундаментальных знаний, но и воспитали в своих питомцах нравственное отношение к труду и людям.

Многие из учеников сохранили в своем сердце искреннюю признательность и благодарность к учителям за их труд. Например, бывшие ученики статского советника А. К. Хамарито – учителя Симферопольской гимназии – в 1896 году учредили стипендию в память его 40 – летней деятельности. Она назначалась «на уплату за право учения одного ученика гимназии, без различия происхождения и вероисповедания» [62, с. 22].

Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что становление и развитие дореволюционной системы народного образования в Крыму было во многом обязано ведущей роли учителей – подвижников, высокообразованных, гуманных людей, добросовестно исполнявших свой труд, благодаря «сознанию святости своих обязанностей и их любви к своему великому делу» [63], – отмечено в годовой отчетности о народных школах по Ялтинскому уезду.

Источники и литература

1. Канишева М. А.. Социально-исторические условия, определяющие общие тенденции развития системы начального национального образования в Крыму в конце XIX – начале XX вв.// Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 37. – С. 221.
2. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК). – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 78.
3. ГААРК. – Л. 80.
4. Там же. – Ф. 100. – Оп. 5. – Д. 4. – Л. 1.
5. Там же. – Л. 3.
6. Там же. – Л. 6.
7. Абибуллаева Д. И. И. И. Казас и народное образование крымских татар в конце XIX – начале XX веков // IV Таврические научные чтения. – Симферополь 2004. – С. 7–11.
8. Л. Бараш. Педагог, просветитель, поэт.// Их именами названы. – Симферополь: «Таврика», 1991. – С. 20 – 22.
9. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. – 433. – Л. 5.
10. Там же. – Д. 23. – Л. 233 – 335.
11. Там же. – Д. 396. – Л. 1.
12. Там же. – Д. 11. – Л. 93.
13. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 93.
14. Там же. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 382.
15. Там же. – Л. 387.
16. Там же. – Д. 370 а. – Л. 34.
17. Там же. – Д. 1321. – Л. 55.
18. Там же. – Д. 370 а. – Л. 28.
19. Там же. – Л. 46.
20. Там же. – Д. 356. – Л. 84.
21. Там же. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 87.
22. Там же. – Л. 171.
23. Там же. – Д. 6. – Л. 4.
24. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 14.
25. Там же. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 68.
26. Там же. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 36.
27. К вопросу о положении учащихся в народной школе. (Таврическая губерния). // «Русская мысль». – 1898. – С. 206 – 212.
28. ГААРК. – Ф. 103. – Оп.1. – Д. 86. – Л. 73.
29. Там же. – Л. 108.
30. Там же. – Л. 137.
31. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 88.
32. Там же. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 1866. – Л. 108.
33. Там же. – Л. 138.
34. Там же. - Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 47.
35. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 11.
36. ГААРК. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 94.
37. Там же. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 433. – Л. 10.
38. Там же. – Л. 6.
39. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 66.
40. Там же. – Л. 62.
41. Там же. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 47.
42. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 5.
43. Там же. – Л. 18.
44. Там же. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 22.
45. Там же. – Д. 86. – Л. 153.

46. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 5.
47. Там же. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 433. – Л. 11.
48. Там же. – Д. 23. – Л. 242.
49. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 4.
50. Там же. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 21.
51. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 18.
52. Там же. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 1866. – Л. 90.
53. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 70.
54. Там же. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 88.
55. Попов А. Д. Учебные экскурсии Симферопольской мужской гимназии в 80 – х гг. XIX в. // Культура народов Причерноморья. – 1997. – №2. – С.300 – 301.
56. Шарапа В. Ф., Непомнящий А. А. Лашков Ф. Ф. – краевед Крыма. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь: Таврия, 1993. – Вып. 3. – С. 175 – 181.
57. ГААРК. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 89.
58. Там же. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 147.
59. Там же. – Д. 356. – Л. 67.
60. Там же. – Д. 805. – Л. 27, 55.
61. Там же. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 93.
62. Об учреждении стипендии имени А. К. Хамарито в Симферопольской мужской гимназии. // Журнал Министерства народного просвещения. 1896, июль. – С. 22 – 23.
63. ГААРК. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 133.

Пашеня В.Н.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КРЫМСКОЙ АССР В 1920-Х – 1930-Х ГГ.: ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Данная статья является продолжением исследования проблемы национально-государственного строительства Крымской АССР в 1920 – 1930-х гг. в социально-экономическом аспекте на примере еврейского народа. Предшествующая статья рассматривала преимущественно политический аспект [1]. Исследование данной проблемы позволит более успешно решать задачи обустройства депортированных советской властью народов Крыма в 1940-е гг.

Целью данной статьи является, во-первых, анализ опыта переселенческой политики в Крымской АССР; во-вторых, расширение диссертационного исследования деятельности органов власти и управления в Крыму в 1920 гг. [2].

Анализ свидетельствует о том, что данная проблема в начале XXI в. не нашла должного освещения, хотя социально-политическая значимость этого опыта сегодня чрезвычайно велика. Обустройство депортированных в 1940-е гг. народов Крыма должно носить плановый, организованный характер и находиться под постоянным контролем Совета министров и Верховной Рады АРК, как это было в Крыму в 1920 – 1930-е гг.

Исследование архивных документов показывает, что подход к решению задачи проведения переселенческой политики одного из самых бесправных народов царской России – еврейского, был начат с научно обоснованного анализа проблемы. По проведенной в 1924 г. переписи населения в СССР проживало 2 750 000 евреев, том числе 450 000 в Белорусской ССР, около 1 750 000 человек в Украинской ССР, остальные – в РСФСР и незначительное количество в других регионах [3].

По социальному составу еврейское население распределялось следующим образом: членов профсоюзов и безработных 200 тыс., с членами семей – 850 тыс.; занимавшихся земледелием – 130 000 человек. Остальные 1 750 000 человек составляли кустари, торговцы, лица без определенных занятий [3, л.42].

До 1-й Мировой войны торговцы составляли 38,65 % еврейского населения. Лица без определенных занятий и нищие – 7,15 %. 45,81 % еврейского населения не занимались производственным трудом. Исходя из данного анализа и было принято решение переселить и обеспечить производственным трудом 100 000 семей или около 500 000 евреев [3, л. 41].

Следующим шагом стало формирование центральных и местных органов, на которые возлагалась задача реализации проблемы. Такими органами стало образованное постановлением ЦИК СССР от 29 августа 1924 г. Центральное правление Комитета по землеустройству еврейских трудящихся (Комзет) при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР [3, л.40]. 25 сентября 1925 г. ЦИК СССР утвердил первое Положение о Комитете ЗЕТ.

При Президиумах ЦИК союзных и автономных республик, а также при областных и губернских исполнительных Комитетах образуются Комиссии ЗЕТ, действующие по директивам Комитета ЗЕТ. На 26 января 1926 г. были созданы такие комиссии при ЦИКах БССР, Крымской АССР, Брянском, Гомельском, Псковском, Смоленском, Моздокском губисполкомах, Северо-Кавказском крайисполкоме. В УССР землеустройство осуществлял Центральный Комитет национальных меньшинств при ВЦИК через свои представительства на Херсонщине, Одесщине, Криворожье.

В районах «черт оседлости» еврейского населения (БССР, УССР, Гомельская и Смоленская губернии) Комиссии ЗЕТ провели регистрацию желающих и нуждающихся в переселении. Следует отметить, что уже на данном этапе имели место серьезные перегибы и искажения: в списки включали людей порой в добровольно-принудительном порядке, наряду с трудовым элементом в них попадала зажиточная часть еврейства.